

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УПРАВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Сборник статей
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 1

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
2019

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Рекомендован к изданию советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 6 от 26.08.2019)

Редакционная коллегия:

Д. Н. Лазовский, ректор Полоц. гос ун-та, д-р техн. наук, проф.;
И. В. Вегера, дек. юрид. фак-та Полоц. гос ун-та, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред.);
В. Г. Скрицкий, зам. начальника упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., полковник юстиции;
Ю. Л. Приколотина, зав. каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та, канд. юрид. наук;
А. И. Смирнов, начальник отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
О. А. Адамович, зам. начальника отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
В. А. Куряков, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та;
И. Н. Троицкая, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та.

Рецензенты:

В. В. Марчук, канд. юрид. наук, доц., директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;
В. М. Хомич, д-р юрид. наук, проф., зав. информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2019. – Т. 1. – 248 с.
ISBN 978-985-531-660-3.

В настоящий том включены материалы исследований, посвященные применению уголовно-процессуального права, криминалистическому и судебно-медицинскому сопровождению уголовного процесса.

Адресован практическим работникам, преподавателям, студентам юридических специальностей, а также всем, кто интересуется проблемами уголовного процесса, криминалистики и судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам.

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

ISBN 978-985-531-660-3 (Т. 1)
ISBN 978-985-531-659-7

© Полоцкий государственный университет, 2019

5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: Pravo.by. – 2003 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 13.06.2019. – URL: <http://www.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/may/28781/> (дата обращения: 13.06.2019). 07.05.2018.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.- Мн.: Тесей, 2001. – 321 с.

7. Уголовный кодекс Латвийской Республики: науч. ред. / А. И. Лукашов [и др.]; отв. ред. Р. М. Асланов, отв. ред. А. И. Бойцов, отв. ред. Н. И. Мацнев, – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 313 с.

8. Уголовный кодекс Австрии: науч. ред. / перевод с нем. Л. С. Вихровой; отв. ред. Р. М. Асланов, отв. ред. А. И. Бойцов, отв. ред. Н. И. Мацнев, – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 352 с.

9. Аистова, Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие, гл. 1; § 1 гл. 2; гл. 3, 4, 6; § 1 гл. 5 / Краев, Д. Ю. - учеб. пособие, § 2 гл. 2; § 2 гл. 5. – М. С. Аистова, Д. Ю. Краев. – СПб. : СПб. юр. инст., 2013. – 132 с.

10. Аистова, Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие, гл. 1; § 1 гл. 2; гл. 3, 4, 6; § 1 гл. 5. – СПб., 2013. – 132 с.

11. Уголовный кодекс Швейцарии: науч. ред. / перевод с нем. В. А. Серебренникова; отв. ред. Р. М. Асланов, отв. ред. А. И. Бойцов, отв. ред. Н. И. Мацаев, – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 350 с.

УДК 433.13

РЕАЛИЗАЦИЯ ВИДОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ИНСТИТУТОВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. М. Быстриков,

ассистент кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета, магистр юридических наук (Новополоцк, Республика Беларусь)

На данный момент в отечественном уголовном праве существует ряд институтов, которые в императивном либо же в неимперативном порядке устраняют возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное преступление. Данные основания реализуются без привлечения лица к уголовной ответственности. Ввиду непривлечения лица к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние представляется возможным возникновение правовой коллизии, заключающейся в нижеследующем. Возникает проблематика реализации целей уголовной ответственности в частности и уголовно-правовых отношений в целом. Так, имеется наличие юридического факта начала уголовно-правовых отношений (совершение преступления), подразумевается наличие прав и обязанностей у лица, его совершившего, и государства, возникает необходимость реализации целей уголовной

ответственности как объекта данных правоотношений. Тем не менее, в юридической литературе, поднимающей тематику уголовного правоотношения, вопрос реализации правоотношения как такового при применении институтов освобождения от уголовной ответственности детально не освещен.

Ключевые слова: сроки давности привлечения к уголовной ответственности, охранительные уголовные правоотношения, регулятивные уголовно-правовые отношения, субъект уголовно-правовых отношений, императивные основания освобождения от уголовной ответственности.

Currently, there are a number of institutions in domestic criminal law that, in an imperative or non-imperative manner, eliminate the possibility of criminal prosecution of a person for a crime. These grounds are realized without bringing the person to criminal liability, accordingly, it is not possible to speak about the conviction. In view of the fact that a person is not held criminally liable for a committed socially dangerous act, it appears possible to create a legal conflict, which consists in the following. There is a problem of implementing the goals of criminal responsibility in particular and criminal law relations in general. So there is a legal fact of the beginning of criminal law relations (committing a crime), it implies the existence of the rights and obligations of the person who committed it and the state, there is a need to implement the goals of criminal liability as an object of these legal relations. Nevertheless, in the legal literature raising the topic of criminal legal relations, the issue of the implementation of legal relations as such when applying the institutes of exemption from criminal liability is not addressed in detail.

Keywords: statute of limitations for criminal liability, protective criminal legal relations, regulatory criminal law relations, subject of criminal law relations, mandatory grounds for exemption from criminal liability.

Любой правовой институт, как и правовой механизм реализуются только в рамках конкретных правоотношений. В частности, нас интересует реализация механизмов освобождения от уголовной ответственности в контексте уголовно-правовых отношений.

Существующие нормы уголовного права предусматривают ряд оснований, при наличии которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности. Тем не менее встает вопрос о реализации уголовного правоотношения в целом, как в случае с применением положений о деятельном раскаянии и истечением сроков давности.

Так, в данном случае налицо совершение преступления, то есть наличие юридического факта, послужившего началом уголовно-правовых отношений, тем не менее, руководствуясь вышеуказанными нормами, мы не достигаем объекта данных правоотношений – уголовной ответственности. Также субъекты правоотношения не исполняют возникших обязанностей (претерпеть неблагоприятные последствия в результате совершенного деяния, привлечь лицо к уголовной ответственности за совершенное

преступление и т.д.) в классическом понимании содержания уголовного правоотношения.

В свою очередь, данная проблематика осложняется в том числе и самим подходом к понятию уголовно-правового отношения. Так, в существующей юридической литературе неоднозначным и спорным остается вопрос определения как видов уголовного правоотношения, так и непосредственно самого понятия уголовного правоотношения.

В данной статье не ставится задача разрешить вышеуказанный спор о природе и видах уголовно-правовых отношений ввиду обширности данного вопроса. Тем не менее мы попытаемся рассмотреть ряд институтов освобождения от уголовной ответственности с точки зрения реализации каждого из видов уголовно-правовых отношений.

Для поиска решения вышеуказанной проблемы следует для начала определиться с тем что мы пониманием под правоотношением в общем. Существуют различные подходы к определению правоотношения. Так, некоторые определяют правоотношение как: «правовое отношение между субъектами права, то есть участниками по поводу объекта, при котором возникают права и обязанности» [1, с. 452]. Данное определение отражает содержание правоотношения и определяет круг участников, однако не говорит об основании возникновения правоотношения.

Ряд других ученых склоняются к тому, что правоотношение есть «возникающие на основе норм права волевые общественные отношения, участники которых имеют субъективные права и юридические обязанности» [2, с. 549]. Данное определение отражает ряд иных аспектов правоотношения – то, что правоотношение есть явление общественное, а возникает оно на основе конкретной нормы права, регулирующей те либо иные общественные отношения. Тем не менее данное определение, как и предыдущие, не касается такого составляющего правоотношения как юридический факт. В свою очередь, юридический факт – это то событие объективной действительности, которое служит отправной точкой возникновения правоотношения.

С нашей точки зрения, правоотношения целесообразно определить, как отношения, возникающие в связи с наличием юридического факта, закрепленного правовой нормой, возникающие между субъектами, наделенными правами и обязанностями в связи с осуществлением данного правоотношения.

Вышеприведенное определение с нашей точки зрения отражает все аспекты правоотношения. В свою очередь, уголовно-правовые отношения, как и правоотношения любой отрасли права должны вписываться в канву данного определения либо приведенных выше определений.

Исходя из данного определения правоотношение предстает перед нами как строго определенная сфера действия – как норм права, так и реализации прав и обязанностей субъектов правоотношения.

В случае с уголовным правом мы имеем дело, как правило, с тремя типами субъектов. С одной стороны, это государство в лице правоохранительных органов, с другой – лицо, совершившее преступление. Также не стоит забывать о таком субъекте правоотношения как потерпевший.

В настоящее время активно исследуется вопрос выделения потерпевшего в качестве субъекта уголовного правоотношения.

Так, А. В. Сумачев в диссертационном исследовании отмечает следующее: «Одним из самостоятельных субъектов уголовного правоотношения, с момента совершения вредопричиняющего деяния, предусмотренного уголовным законом, является пострадавший, реализующий свои интересы в ходе предметно-практической и познавательной правовой деятельности. Пострадавший обладает определенным объемом субъективных прав и юридических обязанностей, характеризующих его как персонифицированного субъекта уголовного правоотношения» [3, с. 67].

А. С. Курбанова, рассматривая в своем исследовании субъектов уголовно-правового отношения, говорит о потерпевшем следующее: «Считаем несправедливым то, что потерпевший часто остается вне уголовно-правовых отношений». В связи с этим она предлагает закрепить в уголовном законодательстве в качестве субъектов уголовно-правовых отношений государство, преступника и потерпевшего. Потерпевший является субъектом уголовно-правовой защиты [4, с. 83].

Мы склонны консолидироваться с данными утверждениями, так как потерпевший (пострадавший) обладает как юридической заинтересованностью в связи с причиненным ему вредом, так и определенной в законе совокупностью прав и обязанностей, закрепленной в том числе материальными нормами уголовного права (принцип равенства граждан перед законом, принцип гуманизма, такая цель уголовной ответственности как восстановление социальной справедливости).

В свою очередь вышеуказанные правоотношения возникают на основании совершения преступления, что в свою очередь является юридическим фактом возникновения правоотношения. Тем не менее данные правоотношения возникают и реализуются на основании и в пределах норм, закрепленных в уголовном законодательстве.

Все же рассматривая отдельно взятые институты уголовного права с общетеоретической точки зрения понимания правоотношения, многие из них могут оказаться «выброшенными за борт» уголовно-правовых

отношений. Так, интересующие нас институты истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности и деятельного раскаяния реализуются без осуществления обязанности государства в лице правоохранительных органов привлечь лицо к уголовной ответственности. В свою очередь, лицо, совершившее преступление, не претерпевает неблагоприятные последствия совершенного преступления.

В том числе не представляется возможным говорить о реализации прав потерпевшего в случае с применением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. В данном контексте не идет речь о возмещении морального, имущественного либо физического вреда. Также не реализуются такой принцип уголовного права как справедливость, который хотя и не выделяется законодательно, тем не менее четко обозначен теоретическими школами и прослеживается в основополагающих нормах материального уголовного права.

Таким образом, исходя из классического понимания правоотношения, такие институты уголовно права как сроки давности привлечения к уголовной ответственности выпадают из такового. Налицо юридический факт (совершение преступления), послуживший началом уголовного правоотношения, существует охранительная норма, на основании которой возникает данное правоотношение. Налицо как минимум два субъекта правоотношения, обязанности которых прямо подразумевают привлечение одного из них другим к уголовной ответственности. Однако данные обязанности не реализуются.

Ввиду вышеуказанной проблематики в науке уголовного права нет единообразного подхода к определению уголовного правоотношения. Прежде всего это обусловлено разнообразием подходов к определению видов уголовно-правовых отношений.

В общей теории права классификация правовых отношений осуществляется по различным основаниям. Мы же остановимся на классификации по характеру содержания правоотношения, так как преимущественно данная классификация нашла свое отражение в науке уголовного права. Так, выделяют общерегулятивные, регулятивные и охранительные правоотношения.

В большинстве источников под общерегулятивными правоотношениями понимают следующее: «правоотношения субъектов связаны непосредственно с законом. Они возникают на основании юридических норм, гипотезы которых не содержат указаний на юридические факты. Такие нормы порождают у всех адресатов одинаковые права или обязанности без всяких условий (например, многие конституционные нормы)» [1, с. 467].

Тем не менее в научном сообществе нет единого мнения по поводу выделения общерегулятивного уголовного правоотношения. Существует два лагеря: ученые из первого лагеря не выделяют данный вид уголовно-

правового отношения, мотивируя это временем начала уголовного правоотношения. При этом временем начала уголовного правоотношения выступает по различным мнениям факт совершения преступления (преступного деяния) [5, с. 45]; возбуждение уголовного дела [6, с. 132-134]; привлечение лица в качестве обвиняемого [7, с. 125-129]; вынесение (вступление в законную силу) обвинительного приговора суда.

Если руководствоваться данным подходом к началу уголовного правоотношения, отпадает возможность отнесения каких-либо норм общих начал уголовного права к уголовному правоотношению в целом.

В свою очередь другие ученые говорят об обязательности его наличия. Так, Курбанова А.С. пишет следующее: «Уголовно-правовые отношения возникают в связи с реализацией уголовной ответственности. Можно выделить две разновидности уголовно-правовых отношений: правоотношения общего характера и конкретные правоотношения (регулятивные и охранительные отношения)» [4, с. 110].

С нашей точки зрения в науке уголовного права к подобным правоотношениям возможно отнести те, которые складываются в сфере действия общих норм, регламентирующих основополагающие начала уголовного права, как то: принципы, задачи, функции уголовного права и т.д.

Мы в большей степени склоняемся ко второму подходу. С нашей точки зрения выделение общерегулятивных уголовных правоотношений обусловлено наличием ряда норм, действие которых начинается в момент совершения преступления, и имеют общенаправленный характер.

Исходя из второй концепции представляется невозможным отнесение к данному виду правоотношения сферу действия норм о сроках давности привлечения к уголовной ответственности и деятельном раскаянии, ввиду того что нормы, закрепляющие данные правовые институты, содержат в своей структуре диспозицию, юридический факт, который служит основанием ее применения: истечение установленного срока с момента совершения преступления, возмещение ущерба нанесенного преступлением, активное содействие в расследовании преступления и т. д.

Рассмотрев общерегулятивные уголовные правоотношения и не найдя возможность отнести к ним рассматриваемые нами институты уголовного права, целесообразно рассмотреть следующий вид уголовно-правовых отношений.

В свою очередь, под регулятивными правоотношениями понимаются те правоотношения, которые «вызываются к жизни нормами права и юридическими фактами (событиями и правомерными действиями). Они могут возникать и при отсутствии нормативной регламентации на основе договора между сторонами» [2, с. 531].

Ряд ученых в науке уголовного права определяет регулятивные правоотношения как: «Регулятивные правоотношения обеспечивают возмещение либо же восстановление прав потерпевших, которые были нарушены. Они неразрывно связаны с предоставлением физическим лицам права причинить преступнику вреда или угрозу его причинения (имеется в виду пресечение противоправных деяний или самооборона)» [8, с. 213].

С нашей точки зрения в уголовном праве к подобным правоотношениям представляется возможным отнести необходимую оборону, крайнюю необходимость, обоснованный риск и ряд других институтов, содержащих в себе юридический факт и определенную совокупность признаков, при наличии которых действие или бездействие считается правомерным.

В свою очередь мы считаем, что данные правоотношения обладают некоторыми обязательными признаками, на основании которых их возможно отнести к регулятивным.

Первый признак: наличие нормы уголовного закона, позволяющей совершать определенные действия или же воздержаться от таковых, характер которых по своему объективному составу подпадает под квалификацию преступных. Второй: данное действие фактически имеет ряд признаков преступления (нанесение вреда, совершение действий, запрещенных уголовным законом). Третий признак: данные действия являются противодействием совершаемому преступлению, то есть направлены против лица, совершающего преступление. Четвертый признак: наносимый вред в обязательном порядке меньше вреда, который может быть причинен предотвращаемым преступлением. И пятый признак: без совершения данных действий предотвратить совершаемое преступление было невозможно.

В свою очередь исследуемые нами институты освобождения от уголовной ответственности имеют кажущееся отношение к регулятивным правоотношениям. Они содержат в себе юридический факт, в случае со сроками давности – истечение определенного в законе времени со дня совершения преступления, а при деятельном раскаянии – добровольное возмещение вреда, причиненного совершенным преступлением. Также имеется правомерное поведение – действия государства в лице правоохранительных структур по освобождению лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Тем не менее данные институты освобождения от уголовной ответственности представляется невозможным отнести к регулятивным правоотношениям ввиду отсутствия выделенных нами выше признаков. Охранительные правоотношения появляются на основе охранительных норм и правонарушений. Они сопряжены с возникновением и реализацией юридической ответственности, предусмотренной в санкции охранительной нормы.

Так, ряд ученых в общей теории права определяет данные правоотношения как направленные на защиту административных, трудовых, семейных, уголовных, конституционных и иных общественных отношений. Данный вид отношений возникает между определенными органами и лицами, которые допустили совершение преступления, и таким образом нарушили отношения, которые охраняются законом [1, с. 472].

Исходя из общетеоретической концепции охранительных правоотношений, следует, что охранительные правоотношения – это всегда отношения, связанные с нарушением нормы и наказанием за её нарушение как следствием (привлечение к уголовной ответственности, в частности)

В свою очередь в науке уголовного права ряд ученых высказывает следующее мнение: «С точки зрения общей теории права содержание охранительного уголовно-правового отношения, как и содержание регулятивного правоотношения, образует субъективные права и юридические обязанности его участников. Однако порожденные различными правовыми нормами и юридическими фактами, эти субъективные права и обязанности имеют и различное социальное содержание. Смысл регулятивного правоотношения, как указывалось заключен в предотвращении общественно-опасных противоправных виновных деяний; охранительного – в восстановлении нарушенного правопорядка и предупреждении новых посягательств на него» [9, с. 142].

В свою очередь сущность охранительного правоотношения возможно определить в точности как и в общетеоретической трактовке в части, касающейся наличия юридического факта, субъектов правоотношения, наличия прав и обязанностей. Исключительность данных правоотношений состоит в том, что они неразрывно связаны с нарушением нормы уголовного закона – совершением преступления.

Так, Н. М. Кропачев пишет об охранительных правоотношениях следующее: «Охранительные уголовно-правовые отношения возникают в тех случаях, когда участники регулятивных уголовно-правовых отношений отклоняются от предусмотренных нормой уголовного права вариантов поведения. Совершая преступление, гражданин тем самым разрывает как фактическую, так и правовую стороны регулятивной уголовно-правовой связи, соединяющей его с государством. Разрыв конкретной общественно необходимой связи хотя и влечет за собой количественные изменения в структуре всего общественного отношения, урегулированного уголовным правом, однако совсем не означает, что преступник разрывает свою связь с этим общественным отношением, выходит из него, качественно изменяет это общественное отношение» [7, с. 127].

Следует отметить, что в данном случае под регулятивными правоотношениями понимаются общерегулятивные правоотношения. Следуя из вышеизложенного, мы можем говорить о том, что лицо, совершая преступление, тем самым нарушает не только конкретную норму особенной части уголовного кодекса, но также перестает быть субъектом общерегулятивных уголовных правоотношений, что является следствием отказа от правомерного поведения.

В свою очередь охранительные правоотношения создают комплекс прав и обязанностей у субъектов данных правоотношений. Так, исходя из всего вышеприведенного у государства есть обязанность привлечь лицо к уголовной ответственности, а у лица, совершившего преступление, претерпеть неблагоприятные последствия в связи с данным правовым событием. При этом, в данном ключе уголовная ответственность выступает как правовой механизм выполнения данных обязанностей и как непосредственный объект правоотношения. В том числе такой субъект правоотношения как потерпевший, при его наличии, имеет право на удовлетворение его притязаний в связи с совершенным преступлением. Что, в свою очередь, преимущественно реализуется также посредством привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности.

Обобщая данную мысль, следует отметить, что в подобном ключе институт сроков давности привлечения к уголовной ответственности является в уголовном праве нормой, не только не входящей в охранительные правоотношения, но и препятствующий их реализации.

Возможно данная коллизия обусловлена проблематикой соотносимости теории и практики. В свою очередь наличие подобных институтов уголовного права возможно обусловлено практической необходимостью: невозможностью долгосрочного ведения уголовных дел, загруженностью архивов и т. д. Так, Н. М. Кропачев отмечает следующее: «Таким образом, когда мы говорим об охранительных уголовно-правовых отношениях, необходимо различать наши представления об идеальной модели правоотношения, которая предполагает признание взаимных прав и обязанностей субъектов правоотношений, обеспечивающих их реальные взаимодействия, и тот реальный уголовно-правовой статус государства, преступника, потерпевшего, который сформирован уголовным правом конкретной страны, конкретной эпохи» [7, с. 165].

Тем не менее, с нашей точки зрения некоторые нормы могут препятствовать осуществлению уголовного правоотношения вне зависимости от вида правоотношения. Так, в результате проведенного анализа возможно говорить о том, что сроки давности привлечения к уголовной ответственности, а также институт деятельного раскаяния не только не относятся

к общерегулятивным и регулятивным уголовно-правовым отношениям, но и препятствует реализации охранительного правоотношения. Так, ряд ученых отмечает следующее: «в свою очередь охранительное уголовно-правовое отношение само нуждается в охране. Исторический опыт свидетельствует, что без дополнительного правового обеспечения охранительное уголовно-правовое отношение отнюдь не всегда реализуется в соответствии с той нормой, которая его породила после наступления соответствующего юридического факта» [10].

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что рассматриваемые нами институты освобождения от уголовной ответственности необходимо не только подвергнуть более детальному теоретическому анализу и как следствие обоснованию, но также лишить той юридической императивной силы, которой они обладают на данный момент.

Список использованных источников

1. Червонюк В. И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 704 с.
2. Лазарев В. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Юрист, 2007. – 575 с.
3. Сумачев А. В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения [Электронный ресурс]: диссертацияканд. юрид. наук: 12.00.08 – Рязань., 1997. – 171 с.
4. Белов Н. М. Правоотношения в уголовном праве [Электронный ресурс]: диссертацияканд. юрид. наук: 12.00.08 – М.: РГБ, 2003. – 178 с.
5. Кропачев Н. М. Уголовные правоотношения [Электронный ресурс]: диссертацияканд. юрид. наук: 12.00.08 – Лн.: ЛГУ, 1984. – 220 с.
6. Курбанова А. С. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: проблемы соотношения [Электронный ресурс]: диссертацияканд. юрид. наук: 12.00.08 – Москва. 2010. – 206 с.
7. Чистяков А. А. Элементы основания уголовной ответственности : дис..... канд. юрид. наук. Рязань, 1993.
8. Марцев А. И. 1) Общие вопросы учения о преступлении. Омск : Юрид. ин-т МВД России, 2000. – С. 132–134; 2) Преступление: сущность и содержание. Омск : ВШМ МВД СССР, 1986. – С. 56, 59).
9. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – 262 с.
10. Наумов Н. А. Российское уголовное право т.1. М.: Проспект, 2019. – 535 с.
11. Курс уголовного права. Общая часть : в 2 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. Т. 1 : Учение о преступлении.
12. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность // Вестник ЛГУ. Серия : экономика, философия, право / Л., 1974. Вып. 1. № 5.

Научное издание

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сборник статей
международной научно-практической конференции

(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 1

Ответственный редактор *И. В. Вегера*

Техническое редактирование *Т. А. Дарьяновой*

Компьютерная верстка *И. Н. Чапкевич*

Дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 14,39. Уч.-изд. л. 14,09. Тираж 170 экз. Заказ 809.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.